

И.И.Глебова
«ДВОРЕЦ»:
КАК «РЕОРГАНИЗОВАЛОСЬ»
ГОСУДАРСТВО В РОССИИ (I)

Ключевые слова: «дворцовое государство», постсоветский транзит, сословно-статусное сообщество, кланово-групповая солидарность, народонаселение

Одна из задач современной политической науки — понять, как в 1990—2000-е годы трансформировалось государство в России. Для уяснения сути трансформации полезно обратиться к политическим метафорам. К числу наиболее известных и, на первый взгляд, вполне адекватных относится государство-корпорация (или корпорация-государство): современные национальные государства (среди прочих — и российское) действительно напоминают — по целям, управленческим методам — крупные бизнес-организации. О явлении западного государства-корпорации пишет, в частности, М.М.Лебедева¹. Автор делает важное замечание: «Если в отношении транснациональных корпораций разработаны ограничительные механизмы, которые не позволяют им вести себя слишком рискованно, то в отношении национальных государств такие механизмы отсутствуют»². Речь идет прежде всего об игре государств-корпораций на мировых рынках, однако это в равной степени может быть сказано и о «внутренних» бизнес-играх таких государств. Но сходство между западным государством-корпорацией и государством в России в основном внешнее: по существу, по генезису (и, можно предположить, по последствиям) эти феномены резко различаются. Следовательно, необходимо выявить российскую специфику. А при решении этой задачи нам в состоянии помочь лишь те понятия (метафоры), которые возникли в истории российского государства и для описания этого государства.

¹ Лебедева 2009.

² Там же: 79.

**«Дворцовое
государство»
В.О.Ключевского**

С моей точки зрения, при осмыслении специфики российского государства чрезвычайно полезной может оказаться метафора, имеющая исторические корни и принадлежащая В.О.Ключевскому, — «дворцовое государство» (или «государство—Дворец»). В этой формуле зафиксирована («схвачена» и выражена словами) природа послепетровского государства. Конечно, Ключевский не ставил перед собой цели создать всесторонне обоснованную концепцию — налицо размышления, замечания, наблюдения. Это лишь материал для теории. На него я,

собственно, и опираюсь, пытаюсь выявить смысл современного государства в России. При этом я использую своего рода инверсионный исследовательский ход: если историки, как правило, применяют новый концептуальный аппарат для изучения прошлого, то я говорю о современности «старыми» словами. Разумеется, это не означает, что за скобки выводится полное изменение контекста. XVIII и XXI вв. по самым существенным параметрам — люди, тип общества, технологии, культура — несопоставимы. Но они в то же время связаны — как разные этапы в истории одной социальности. Надо только обнаружить эту связь.

³ Ключевский 1993: 101—140, 144—186, 294—296, 310—319.

Вся послепетровская история XVIII в. рассматривается Ключевским сквозь призму государства, его эволюции³. При этом им выделяется несколько ключевых (концептуальных) характеристик такой эволюции. Посмотрим, как их описывает сам Ключевский.

1. Динамика государства:

Петр «действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах»⁴.

⁴ Там же: 170. Здесь и далее выделено мною. — И.Г.

«Немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников»⁵.

⁵ Там же: 110.

«Правительствам после Петра было не до коренных вопросов, не до начал и задач реформ: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями»⁶.

⁶ Там же: 147.

«Придворные интриги заменяли политику, великосветские скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли в жажде милостей и увеселений»⁷.

⁷ Там же: 506.

«Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра... была недоступна его государственная идея... Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре»⁸.

⁸ Там же: 195.

Мысль о том, что «без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок», воспитана «всем складом русского быта»⁹.

⁹ Там же: 113.

2. «Дворяновластие»:

«...Крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это — начало дворяновластия... В сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом

¹⁰ Там же: 177.

посредством правительства». Формировался порядок «должностного кормления сословия»¹⁰.

¹¹ Там же: 163.

Произошло «резкое юридическое обособление и нравственное отчуждение потомственного дворянства от прочих классов общества»¹¹.

¹² Там же: 167.

«Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов»¹².

¹³ Там же: 196.

Дворянство «к моменту воцарения Екатерины II... составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии *дворцовое государство преемников Петра I и получило вид государства сословно-дворянского*. Правовое народное государство было еще впереди и не близко»¹³.

3. Экономическое измерение государственного порядка:

¹⁴ Там же: 106.

Екатерина I «...распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть»¹⁴.

«При *разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами...* стая <иноземцев> кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. „При неслыханной роскоши двора, в казне, — писали послы, — нет ни гроша, а потому никому ничего не платят“. ...Управление велось без всякого достоинства... Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества... Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось... Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогали... Устроена была доимочная облава на народ; снаряжались вымогательные экспедиции». Так действовали „*разнузданные народным бессилием пришельцы*“»¹⁵.

¹⁵ Там же: 137, 138, 139.

«...Правительство иногда не знало, сколько у него денег и где они находятся... Единственным деятельным и добросовестным контролером и будильником наклонных к дремоте правительств был постоянный дефицит. Он заставлял правящие верхи заглядывать вниз, в глубь управляемой ими жизни, и способные наблюдать люди увидали там полный хаос... *Пособницей дефицита была сама верховная власть*. Елизавета лично для себя копила деньги, как бы собираясь бежать из России, и забирала текущие казенные доходы, предоставляя министрам изворачиваться, как умеют»¹⁶.

¹⁶ Там же: 151, 148.

Собственно «дворцовое государство» Ключевского следует понимать как результат раскрепощения (эмансипации) элит, освобождения их от деспотизма верховной власти, утраты ими этоса службы и *обособления от остального населения в привилегированное сословие*, «приватизации» ими государства, *подчинения государственной идеи узкокорыстным сословным интересам*. Верховная власть была встроена

в модель «Дворца», что сопровождалось мутацией ее природы (трансформацией в направлении ограниченной, «договорной»). Применительно к самому государству речь также шла об абсолютизации экономических интересов, сосредоточении его на «получении денег», «быстрых прибылей», конвертируемых в доходы дворцовых акторов — в том числе персонификаторов верховной власти и их ближайшего окружения («семьи»).

Фактически Ключевский считал, что «дворцовое государство» заинтересовано почти исключительно в обогащении тех, кто его составлял. То есть трактовал его как сословное, ориентированное на удовлетворение чрезвычайно узких социальных интересов и оценивал как своего рода *изъян, исторический «вывих», случайное отклонение от «правильной» тенденции, обозначенной петровским государством «всеобщей службы»*, где «воспитательная диктатура» власти распространялась на все сословия без изъятия.

Уравнение в обязанностях рассматривалось Ключевским в качестве гарантии последующего уравнения в правах. Логика нашего прославленного историка такова: в «определении сословных отношений» Петр «...не был чужд уравнительных стремлений именно на почве государственных повинностей. Он распространил некоторые специальные классовые повинности на несколько классов, какою была, например, податная, положенная им на все виды холопства, а воинская повинность стала даже всесословной. Это обобщение повинностей со временем должно было лечь в основу и правового уравнения общественных классов. Приступить к этому уравнению предстояло снизу, законодательной установкой крестьянских повинностей, особенно платежей и работ крепостных крестьян, на господ»¹⁷. Иными словами, русский путь к «правовому государству», по мнению Ключевского, прокладывало деспотическое «служилое» государство, основанное на равенстве в бесправии.

¹⁷ Там же: 171—172.

«Разгосударствление» по-постсоветски

Одна из причин постсоветского «перехода» (транзита) заключается в кардинальном изменении отношений «общество/личность—государство». Они активно трансформировались с послесталинских (точнее, с послевоенных) времен; сейчас мы находимся на пике этих изменений. Нормативная советская модель отношений, в которой личные (а также коллективные, корпоративные, профессиональные и др.) интересы полностью поглощались государством (модель *тотального огосударствления*), в постсоветские времена сменилась моделью «разгосударствления». Причем тоже тотального.

«Разгосударствление» обычно характеризуют односторонне — как *«бегство от государства»*, то есть поиск населением «теневых» ниш, независимых способов существования и минимизацию связей с государством (прежде всего требующих исполнения социальных обязанностей — уплаты налогов, службы в армии и т.п.). При этом представление

о государстве как о раздаточной и репрессивной инстанции в обществе сохранилось; более того, оно доминирует. Однако это скорее остаточное явление, неизжитый образ советского прошлого.

Между тем «разгосударствление» включает в себя и обратный процесс: «бегство» государства от граждан, то есть свертывание им своих социальных функций и обязательств, его минимизацию, замыкание в себе.

NB! Собственно, в описаниях российского общества эти процессы фиксируются: «В обществе сложился своеобразный замкнутый круг. Власть, чиновничий аппарат часто игнорирует интересы и права граждан. Значительная часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих насущных проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только тогда, когда нет иных способов решения»¹⁸.

¹⁸ Бюрократия 2006: 102.

Речь идет не о частичном уходе государства из некоторых сфер, не об отказе от мелочной опеки социальной среды, характерном для развитых стран, а о *переориентации государства с общесоциальных интересов на «узкословные»*. На смену тотальному, всепоглощающему советскому государству — террористу, модернизатору, морализатору, монопольному распорядителю «общенародной» собственности — пришел «Дворец».

Демонстрируемые им технологическое несовершенство и концептуально-идеологическая слабость создают у населения ощущение «дефицита государства» — его несправедливости, неспособности или нежелания исполнять свои обязанности¹⁹. Эксперты отмечают, что оно не в состоянии обеспечить реализацию курса на модернизацию экономики и политики, на инновационное развитие и т.п. Расхожими стали тезисы об административно-социальной неэффективности государства²⁰, о превращении его в «криминально-клановое», функционирующее в режиме «институциональной анархии»²¹.

¹⁹ По данным опросов, в 2008 г. 59,6% россиян считали, что административная система не способна эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам (см. Холодковский 2009а: 21).

²⁰ См., напр. Афанасьев 2006.

²¹ Пастухов 2009: 129.

Результативать и концептуализировать массовые ощущения и экспертные оценки, на мой взгляд, позволяет определение современного государства в России как «дворцового». *Это не отклонение от «правильного» государства (советского «общенародного» или западного правового, социального и т.д.)* и не его извращение/ухудшение, которое при желании можно исправить. «Дворец» — вполне самостоятельная форма правления, вызванная к жизни новыми условиями и старыми государственными традициями.

NB! Здесь следует сделать две оговорки. Во-первых, современное «дворцовое государство», воспроизводя некоторые черты классического (уже являвшегося в нашей истории), обладает и уникальными характеристиками, что связано и с другой исторической

эпохой, и с иными потребностями современного социума и кратоса. Во-вторых, предлагаемый концептуальный аппарат не отменяет все остальные. Это лишь одна из призм, через которую может рассматриваться современность.

**«Дворец»
как «сословие»**

«Дворцовое государство» — это не институты и процедуры (административно-управленческая система) и даже не бюрократический слой (при всей его влиятельности и представительности). «Дворец» — это форма (или организация), в которую отлилась постсоветская «цивилизация верхов», старые и новые господствующие группы, обособившиеся от населения в привилегированное «сословие» (1,5–2% населения). Государственные интересы сейчас в основном редуцированы к интересам его представителей, то есть «дворцового сообщества».

Слово «сословие», от которого отдает архаикой, так и просится в лексикон нашего времени. Оно лучше всего подходит для характеристики высшего слоя российского общества — владельцев-распорядителей власти/собственности. Все они, конечно, вышли из народа, но уже перестали им быть. Они создали особый мир, закрытый, непроницаемый, живущий по своим правилам — вне массы народонаселения, но за ее счет. Потому что их цель — сосредоточить в своих руках все ресурсы и возможности, отпущенные этому социуму. Один из главных признаков «сословия» — богатство. Согласно социологическим замерам, разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями российского населения — тридцатикратный (и даже больше)²². Категория богатых и сверхбогатых стремительно растет: если в 1997 г. в России было всего 6 миллиардеров, то в 2005 г. — 36, в 2007 г. — 60²³, а в 2011 их число перевалило за сотню. Количество же миллионеров исчисляется сотнями тысяч, и это только по официальным данным — в действительности их гораздо больше. Доходы бедных увеличиваются в три раза медленнее, чем доходы богатых. В 2006 г., по данным Института экономики РАН, доходы половины граждан страны снизились или остались на прежнем уровне, а практически весь рост (11%) пришелся на высокодоходные группы²⁴.

²² Горшков 2009: 12.

²³ Виттенберг 2007: 135.

²⁴ Там же.

Фактически «Дворец» не ограничивается «сословием». Его образует не только «дворцовое сообщество» («ядро»), но и тяготеющая к нему и обслуживающая его *прослойка*. Если обратиться к упоминавшейся выше метафоре корпорации, то «сословие» есть аналог узкого круга ее собственников и руководителей («работодателей»). Так как корпоративные интересы в основном сведены к интересам этого круга, можно говорить о торжестве в наших условиях олигархического корпоративизма. Функции персонала («работников корпорации») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками сословности: четко осознают собственные интересы, противопоставляют их интересам остального общества и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание своего социального влияния. Но самое

главное: они *ощущают себя не в структуре социума, а над ним*. К этому мировоззрению тяготеют и «работники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы, отношения с которой строят по «дворцовым» принципам²⁵.

²⁵ Показательно, что именно эти самые благополучные в материальном плане группы демонстрируют наибольшую лояльность по отношению к государству, власти и госслужащим (см. *Бюрократия 2006: 93*).

²⁶ Гаман-Голутвина 2007: 35.

²⁷ См., напр. *Бюрократия 2006: 100—101*.

NB! Постсоветское перерождение государства принято связывать исключительно с эволюцией бюрократии: по мнению исследователей, чиновничество «использует рычаги государства для достижения сугубо партикулярных (групповых) задач, целей в противовес общегосударственным»²⁶. Основываясь на данных социологических опросов, исследователи говорят о формировании «классового сознания» бюрократии как особой социальной группы²⁷. Но «дворцовые» — это не только бюрократия и даже не вся бюрократия. В связи с этим, на мой взгляд, точнее было бы говорить о *корпоративной (или кланово-групповой) солидарности*, учитывая, что она ограничена иерархичностью устройства этой корпорации и различием потребительских возможностей разных ее эшелонов. Чиновничество среднего и нижнего уровней относится скорее к прослойке между «высшим сословием» и остальным населением. Вместе с тем в ментальном отношении оно мало чем отличается от «патронов» и действует *по той же «дворцовой» схеме: всё — только для себя*.

Верхи современного российского общества — уже не элита «условного держания» (на время «службы»), как советская, а элита «наследственного владения», перераспределившая в свою пользу «общенародную собственность». Это *закрытое сословно-статусное сообщество, «сбродное» по составу*. В нем смешались выжившие кланы «фамильных людей», то есть советской номенклатуры; «новики» («новые худые люди»), случайно выплывшие наверх в «смутные» времена, — «новые русские», разрушившие номенклатурный порядок и давшие правящему слою язык, «прикид» и организацию (среди них — «народные избранники», бизнесмены, высшая бюрократия и интеллигенты нового типа); повязанные с первыми и вторыми советские «теневики» и верхушка советско-постсоветского криминала — создатели финансового рынка, «серых» бизнес-схем, особой «деловой» культуры, силовой фактор российской экономики; новая «культурная элита» — духовные «генералы», творцы и властители аудиовизуальной массовой культуры, мастера высокого искусства, спорта, авторитеты медицины, образования, даже науки.

У представителей этого «сословия» высокие потребительские запросы, постоянно растущие аппетиты, удовлетворяемые в разных социальных сферах. Одни хотят больше власти, другие — больше денег (показательно, что Москва, где находится «дворцовая Ставка», занимает сегодня первое место в мире по количеству миллиардеров); одни приобретают самую престижную в мире недвижимость, другие

собирают русское/советское/современное (или какое-то другое) искусство; одни ведут борьбу за души, другие — за бюджет и месторождения, за право «постмодернизировать» реальность или «подавать» в нее оптимизм, быть на телеэкране, в светской хронике, международных новостях и т.д. И все получают желаемое, чтобы потом хотеть большего.

Собственно, всему «сословию» (а не только высшему чиновничеству) можно адресовать определение В.В.Путина — *«надменная каста»*. Это «сословие» счастливых, «субъективных материалистов» — победителей, вполне довольных своим положением, профессиональной и жизненной состоятельностью и через эту (счастливую) призму воспринимающих внешний (для них) мир. «Корпорация победителей» обременена жаждой грандиозного (чтобы «грохнул» на весь мир) успеха, желанием побеждать. Именно это (и ничто другое) — двигатель модернизационных проектов, причина государственных вложений в разного рода «победы страны» (внешнеполитические, спортивные и т.д.). Национальные успехи (если таковые случаются) рассматриваются как «дворцовые» (корпоративные) победы, служащие самоутверждению «Дворца». В то же время любой «нацуспех» работает на его легитимацию, оптимизируя социальный фон и заглушая (криками «Ура, Россия!») ропот недовольных надменностью «сословия» и «сословностью» социума.

Главный принцип жизни «сословия» — устроиться в стране как за границей, в обеспеченном, комфортном, безопасном евроатлантическом мире. (При этом, конечно, и за границей устроиться лучше заграничных.) И так жить в стране должны только они — высокий социальный статус поддерживается ощущением избранности. «Дворец» явился вследствие торжества «сословного» эгоизма, игнорирования «сословием» интересов большинства. Раскол «русского мира» на победителей и проигравших во всеобщей схватке за «доходное место» — вот основной итог постсоветского транзита. Именно здесь проходит фундаментальная линия напряжения в российском обществе. Как показывают социологические опросы, к числу ключевых межгрупповых противоречий россияне относят противоречия между богатыми и бедными (его отмечают 63,4% респондентов), между олигархами и остальным обществом (39,1%), между чиновниками и рядовыми гражданами (34,9%)²⁸. Достаточно очевидно, что все эти оппозиции могут быть сведены в одну: богатые, олигархи, чиновники (победители) versus бедные, остальное общество, рядовые граждане (проигравшие). Причем мерилom социальной успешности выступает соответствие ближайшим богатым и властным, а также обобщенному массмедийному образу «победителя», сконструированному в 2000-е годы. В этом смысле постсоветский транзит состоялся: выйдя на рубеже 1980—1990-х из точки «А», мы не вернулись к прежнему, а явно попали в какую-то другую точку.

²⁸ Там же: 96.

**Вопрос
о собственности:
«кормящееся»
государство**

Оформление «дворцового государства» непосредственно связано с решением вопроса о собственности. На переходе от советской эпохи к постсоветской «общенародная» (или государственная) собственность была превращена в ограниченно-коллективное («дворцовое») владение. Владельцы и составили «Дворец». Они живут переделом и эксплуатацией «дворцовых» владений.

Интересы «Дворца», по существу, «сословны»: он создан для управления «сословной» собственностью. К «сословным» владениям относятся как старые (советские) доходные отрасли (прежде всего топливно-энергетическая, золото-алмазная, химико-металлургическая и военно-промышленная), так и новые: банковско-финансовая система, сфера обслуживания, IT-среда (компьютерные сети, мобильная связь и т.д.). «Дворцовая» экономика и есть современная российская экономика; только то, что в ней работает, принося прибыль, и имеет будущее. Она предельно и очень своеобразным образом интернационализирована. Вот некоторые данные на этот счет: «По состоянию на начало 2010 г., Россия — единственное из постсоветских государств, инвестиции которого за рубеж практически равны накопленным иностранным инвестициям внутри страны, а с учетом неофициально выведенных денег превышают последние как минимум вдвое... Около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в оффшорных юрисдикциях; этот показатель соизмерим с данными по самым неблагоприятным странам Африки»²⁹.

²⁹ Иноземцев 2010: 13—14.

«Дворец» — структура по преимуществу властесобственническая, нацеленная на перераспределение львиной доли общественного продукта в пользу господствующих групп. Главное назначение «дворцовой» экономики — обогащение; она ориентирована не на всемерное умножение ресурсов страны, а на рост индивидуальных и коллективных доходов «дворцовых» акторов. И в рамках этих задач «Дворец» достаточно эффективен. От населения, живущего за пределами замкнутого «дворцового» мирка, требуется лишь определенная сумма «налога». Можно сказать, что политическая власть в рамках «Дворца» понимается преимущественно как привилегия — право «налагать дань». При этом налогоплательщикам «дани» не указывают, как им жить, — они являются вольноотпущенными людьми. В этом принципиальная новизна постсоветской системы.

Тотальное («общенародное») государство, ставшее в новых условиях избыточным, ужалось до пределов «дворцового» хозяйства, управляемого на основе «владельческого» (частного, а не публичного) права.

NB! Используя понятие «владельческое право», я полностью отдаю себе отчет, что оно не менее условно и метафорично, чем термины «сословие» и «дворцовое государство». Повторю, речь не идет о прямом заимствовании понятий из прошлого и смешении разных

эпох в некую вневременную реальность. Обращение к историческому словарю призвано подчеркнуть сущностное сходство некоторых явлений настоящего с теми, что имели место в прошлом, а значит, и несовременность этого настоящего — в том смысле, что оно явно не согласуется с евроамериканским настоящим, к которому мы себя упорно относим. Это темпоральное несовпадение объясняется не отставанием (что было бы равнозначно неизбежности бега вдогонку), а действием каких-то важных социокультурных механизмов.

Частный характер «дворцового владения» вошел в противоречие с всеобщим характером государства. Управление за пределами «дворцово-вотчинного» хозяйства сведено к минимуму — постольку, поскольку существует необходимость отправлять определенные публичные функции. Поэтому все внешние коммуникации «Дворца» приобретают скорее частную (хозяйственную), чем публичную (то есть собственно политическую в классическом понимании) окраску.

С этим связан и «владельческий» подход к политической власти. *«Владельческое» мировоззрение* пронизывает сейчас все ее институты. Современные элиты не различают политические и экономические интересы; точнее, делают акцент на вторых. Этим объясняется и подавление публичной сферы; она сведена к одной из функций «Дворца», к области «дворцового обслуживания». Народонаселение понимается «Дворцом» как объект политической власти, а не субъект политических прав (справедливости ради следует признать, что оно и само себя так понимает) и именно в этом качестве и используется.

Административная деятельность все больше походит на *«кормление»* с доходов от выделенного «участка» («наказа», «пути») «дворцового» хозяйства. Будучи включен в систему легальной (собственно социально-управленческой) деятельности, каждый администратор — сам себе частный «теневой» предприниматель (взятки, «откаты», «разборки» и т.п. — его ежедневная «деловая» жизнь). Подобного рода двойную жизнь ведет любой «дворцовый» актер, причем легально-процедурная ее составляющая есть только оболочка неформально-теневой, покрытой бизнес-тайной. В целом «Дворец» противоречит современным политико-правовым представлениям, согласно которым имущество и права государства носят публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной.

**«Дворец»
как случай
государственно-
монополистического
капитализма**

В момент разрушения советского мира речь шла о выводе из-под контроля государства всех сфер экономики, о пробуждении и полном раскрытии хозяйственной активности граждан. Однако цивилизованного размежевания государства и общества в экономической жизни не произошло. Напротив, социально-экономические интересы заставили эффективные государственные и общественные элементы слиться в

«Дворец», подчиненный уже не воле первого лица, а хозяйственным интересам всего «сословия».

«Дворец» обслуживает интересы «высшего сословия» за счет собственности и ресурсов, находящихся в распоряжении государства или переданных им в распоряжение других экономических акторов (финансово-промышленных групп/кланов с разной степенью самостоятельности). Последние вносят установленную плату за пользование «участками» дворцовых владений, причем пользование монопольное — это соответствует «владельческой» природе «Дворца». В рамках «Дворца» слиты госмонополии/госкорпорации и монополии различных смешанных форм собственности с участием государства. Это не только бизнес-структуры, но и медиа, спортивные, культурные и подобные им институции. Приоритеты наших монополистов известны: прибыль — всё, отечественные потребители — ничто.

NB! Общую стратегию нынешних российских монополистов очень точно определил венгерский социолог П. Тамаш: «...Национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т.д. фирмы функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике международного концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране»³⁰. Этой же логикой руководствуется весь «Дворец», в том числе правительство как «дворцовый» актер. Правда, стратегия его продвижения основана на сокрытии такой логики — ведь оно все-таки правительство.

³⁰ Тамаш 1999: 120.

В целом правовой статус монополий не ясен, что открывает простор для произвола, манипуляций и иных действий, не регулирующихся правом. Монополии, пришедшие на смену советским ведомствам, позволили структурировать сложное экономическое пространство. В то же время господство монополий приводит к диспропорциям в экономике, ее дезинтеграции. Однако *правительство/государство* не борется с монополистами и другими капиталистами, потому что оно и *есть монополист/капиталист — не единственный, но один из главных*. Государство не превращается, как бывает на Западе, в инструмент продвижения интересов крупных корпораций (правда, в условиях их конкуренции между собой). У нас *государство само стало такой корпорацией*. Как отмечает Ф.В. Шелов-Коведяев, «будучи регулятором рынка, государство одновременно является, в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций, активным его игроком, что создает на нем совершенно нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ»³¹. Ярчайший пример: «продолжается активный вывоз за рубеж зерна, молока, сыра, хотя значительная часть той же товарной номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них

³¹ Шелов-Коведяев 2009: 111.

продолжают расти — при тревожном... падении доходов и потребления граждан»³².

³² Там же.

Об «эффективности» «дворцовых» монополистов свидетельствует и огромный корпоративный внешний долг российской экономики — к 2008 г. он достиг 500 млрд. долл. (против 30 млрд. к началу кризиса 1998 г.)³³. По оценкам специалистов, государственный внешний долг России составляет сегодня около 4% ВВП, а внешний долг российских корпораций — примерно 32% ВВП. Преобладающая часть этого долга «сформирована государственными корпорациями... Поэтому этот долг является, по существу, *превращенной формой внешнего государственного долга РФ*, обслуживание которого в условиях глобального кризиса эти корпорации не смогли бы осуществить без финансовой помощи правительства и ЦБ»³⁴. Фактически *внешний долг стал не государственным, а «дворцовым»* («сословным»), но расплачиваться за «Дворец» будет то, что мы называем государством (из бюджета, резервов и т.п.).

³³ Попов 2009: 92.

³⁴ Агапова 2010: 27.

Следует подчеркнуть, что «Дворец» — это прежде всего неформальные связи, личные отношения. Именно эти связи и отношения стали основой, на которой сформировался «Дворец»; неформально-непубличный тип управленческой деятельности и ведения дел вообще способствовал *воспроизводству советской клановости и советских патрон-клиентских отношений в новых, постсоветских условиях*.

NB! В данной «сетевой» среде и решается все в стране — от «дворцовых» вопросов до общесоциальных проблем. Только в этом смысле можно согласиться с заключением С.Г.Кордонского, согласно которому представители «титального сословия», «оказывая друг другу услуги даже в пределах должностной компетенции, связываются в прочнейшую и невидимую сеть неформальных связей административного рынка, которая по факту и представляет наше гражданское общество. Существует множество институтов этого гражданского общества, таких как совместная охота, рыбалка, ресторан, баня или „открытый дом для своих“... Это общество... единственная реальность, так как любые ведомственные интересы и амбиции, планы государственного развития, инновационные проекты и бизнесы должны быть в первую очередь согласованы — „протерты“ в банях, ресторанах, на рыбалке или охоте. Иначе их ждет печальная судьба»³⁵.

³⁵ Кордонский 2010: 138, 139.

Постсоветские кланы и клиентелы, объединенные деловыми и личными отношениями, «зачастую опираются на государственные корпорации или отдельные ведомства и соперничают между собой в борьбе за распоряжение ресурсами»³⁶. Патрон-клиентские, клановые сети имеют и пространственное измерение: они не укладываются в простейшую дихотомию «центр—регионы». В качестве «дворцовых» акторов выступают «вертикально интегрированные группы интересов и группы

³⁶ Холодковский 2009а: 16.

³⁷ Гаман-Голутвина 2004: 171.

³⁸ Пастухов 2009: 129.

давления, включающие участников как федерального, так и регионального уровней (представителей органов власти, финансово-промышленных групп, политических партий и движений, СМИ) в формате политико-финансовых кланов»³⁷. «Клановость» же соответствует дополитическому состоянию власти, когда та *еще* не может выразить общий (публичный) интерес, а политика сводится к примитивной борьбе кланов за ресурсы³⁸. Видимо, это состояние у нас устойчиво воспроизводится. Точнее, речь идет об *определенном типе самоорганизации «высшего класса» поздне- и послесоветского времени*. Поэтому сущность постсоветской власти следует определять как *неполитическую*; эта власть *вообще* не способна выражать общий интерес.

Постсоветский «Дворец» — это еще и институты; государственные учреждения организуют, структурируют его, придавая ему современную форму. В то же время государственные структуры (в том числе выборные, соответствующие демократической современности) суть крупнейшие экономические предприятия — прежде всего по освоению бюджетных денег. (Вообще, высшее «сословие» так или иначе связано с бюджетом, оно управляет и/или пользуется им, то есть имеет *административно-экономическую подоснову*.) В них встроены лоббистские сети; многие их связи — как внутренние, так и внешние — не вполне законны или вовсе нелегальны. Иначе говоря, речь идет о фактическом *удвоении неправовой среды*: неформальные сети накладываются на неформальную активность институтов.

В случае «Дворца» мы фактически имеем дело с государственно-монополистическим капитализмом, лишенным, однако, главного измерения капитализма — свободной конкуренции на правовой основе. Видимо, наш бизнес с такой нагрузкой не справляется; свобода экономической деятельности вызывает у него скорее опасения (неопределенность и риски оцениваются как слишком высокие). Свобода предполагает поиск самим бизнесом продуктивного варианта взаимного сотрудничества в рамках существующего права. У нас же нет традиций подобного взаимодействия; зато в советские времена сложилась привычка работать в «тени» и под покровительством («крышей»). А это требует немалых денег; поэтому в теневой экономике, значительная часть которой связана с уклонением от налогов, хорошо себя чувствуют только крупные компании³⁹. В силу этих причин и склонности к монополизации доступного пространства наш большой и очень большой бизнес (а это, собственно, и есть русский бизнес) соглашается на ограничение своей свободы — «сверху».

³⁹ Об этом см., напр. Власть 2003: 23—67.

С нагрузкой свободы/конкуренции не справляется и правительство/государство: для него наиболее естественно подавление плюральности как в экономике, так и в политике. Правительство разрешает или организует конкуренцию (можно говорить об *«управляемой конкуренции»*), сохраняя монополизм как основополагающий принцип функционирования «Дворца». Кстати, тем самым оно придает конкуренции по-русски более или менее цивилизованный вид, минимизируя

применение насилия внутри бизнес-сообщества. Репрессивно-контрольная функция в целом принадлежит государству. Но главная задача правительства как «дворцового» актора состоит не в регулировании экономики и социальных отношений, а в получении прибыли от процесса управления конкуренцией.

В принципе наши бизнес-гиганты не только симулируют конкуренцию (хотя внутри страны большей частью происходит именно так), но и участвуют в реальной конкурентной борьбе — прежде всего на международной арене. Однако в любом случае главным конкурентным преимуществом крупнейшего российского бизнеса оказывается принадлежность к «Дворцу», гарантирующая разного рода «дворцовые помощи». Последнее тому подтверждение — экономический кризис, когда выживание «равноудаленных» корпораций было обеспечено правительством. «Дворец» помог «Дворцу».

NB! Основные средства антикризисной программы были направлены на поддержку банковской системы (более 1355 млрд. руб.) и государственных или окологосударственных компаний типа ОАО РЖД или АвтоВАЗа (776 млрд.). (Для сравнения: на усиление социальной защиты и борьбу с безработицей в 2009 г. намечалось выделить порядка 500 млрд. руб.⁴⁰) Одновременно рассматривались и «персональные дела»: именно благодаря правительству главный неудачник кризиса О.В.Дерипаска вышел из него не потеряв ни одного ключевого актива. Особый интерес представляют следующие данные: «Если в 1998 г. часть издержек по стабилизации экономики после кризиса была профинансирована негосударственным сектором, то в 2008—2009 гг. это бремя в основном принял на себя государственный сектор, чьи денежно-кредитные издержки, а также бюджетные и квазибюджетные расходы значительно возросли. При этом непосредственные бюджетные затраты на антикризисные меры оцениваются всего лишь на уровне 0,58% ВВП России 2007 г., тогда как доля квазифискальных издержек стабилизации экономики может составить около 14,7% от его объема... В результате возрастает степень неопределенности возможных эффектов от принятых мер, а уровень прозрачности (транспарентности) бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства уменьшается»⁴¹. По сути дела речь идет о том, что, в отличие от «олигархических» 1990-х, в «государственные» 2000-е выход «негосударственного сектора» из кризиса был обеспечен «дворцовым» государством за счет бюджета.

В определенном смысле «Дворец» можно считать корпорацией, так как он преследует не общественные цели, а собственную экономическую выгоду. «Дворец» проявляет явный интерес к зарабатыванию денег, действуя на внутреннем и внешнем рынке в качестве экономического игрока. Более того, он ориентирован на минимизацию

⁴⁰ См. Холодковский 2009б: 69.

⁴¹ Агапова 2010: 25.

издержек (общесоциальных программ развития) и максимизацию прибыли, львиная доля которой распределяется в пределах «Дворца» же, то есть функционирует по законам частнокапиталистического предприятия. Однако природа «Дворца» прямо противоположна капиталистической: она — «владельческая», предполагающая монополистическую эксплуатацию, а не собственническая, что подразумевает плюралистичность, конкурентность, договорность и открытость. Корпорация возникла у нас в совершенно ином историческом контексте и привела к другим, чем в исходных условиях, результатам. Перенесение на советское государство корпоративных методов управления (иначе говоря, модернизация государства за счет заимствования новейших технологий) активизировало его «дворцовую» природу, спровоцировав феномен «Дворца».

**«Дворцовая»
система
против общества
и субъектности
«дворцовых»**

В основе «Дворца» лежат две «неправильности», придающие ему некую изначальную ущербность. Первая (большая) является «неправильностью» с общесоциальной точки зрения: «дворцовые» владения попали в распоряжение (управление) формально негосударственных и частных хозяйствующих субъектов не в результате открытой конкуренции, помимо и в отрицание любых правовых норм. Фактически они были распределены между «своими» («номенклатурными» и «деловыми») и/или захвачены, присвоены, что исключает соблюдение принципа социального партнерства (и в настоящем, и в будущем).

Вопрос о собственности был решен традиционным (то есть неправовым и примитивным) способом: «общенародное достояние» заняли как никому не принадлежащее (пустое) пространство⁴². Это означает, что «дворцовые» субъекты не признавали (и не признают) за населением («не-Дворцом») право осуществлять контроль над производительным богатством страны. А значит, постсоветский строй изначально не был ориентирован на формирование общества. Перераспределение в 1990—2000-е годы советской собственности предполагало появление привилегированного владельческого «сословия», распоряжающегося материальными ресурсами страны, но не обеспеченного в полной мере правовой, «моральной» легитимностью, общественным с ним согласием.

Вторая (меньшая) «неправильность» вредит в основном «Дворцу», то есть имеет узкосоциальное значение. Особое своеобразие «дворцовому» типу хозяйствования придает имманентно присущая ему временность, условность: формально временной является политическая власть, фактически условна власть экономическая — отказ от участия в «дворцовой» системе или нарушение правил «дворцовой игры» могут повлечь наказание, то есть лишение возможности хозяйствовать. А потому характер «дворцового» владения близок к условному (поместному) держанию — только не земли, а имущества и ресурсов. *Безусловно до сих пор только владение личным имуществом; собственнические*

⁴² Напомню: занятие «пустошей» долго было главным способом приобретения земельной собственности на Руси.

права в любой момент могут быть оспорены. Не случайно «дворцовые» акторы просто заиклены на преумножении имущества, переводе средств, полученных от эксплуатации «дворцовых владений», в особняки, драгоценности, яхты и т.п. Показательно, как мутирует под влиянием ограничения прав владения определенным сроком владельческая психология верховной власти: идея государства воспринимается ею даже не сквозь «вотчинную», а через «поместную» призму. Все это сформировало в верхах своеобразное «поместное умонастроение», окончательно вытеснившее представления об общем интересе, национальном благе. «Дворец» живет ограниченными, краткосрочными целями — погоней за сверхприбылями, хищнической (до истощения) эксплуатацией «дворцовых владений», громкими внутри- и внешнеполитическими PR-акциями.

«Сословие», представители которого не желали быть только распорядителями (временными держателями), с момента своего появления боролось за собственнические права. В 1990-е годы оно их добилося, следствием чего (среди прочего) стало *стирание грани между государственными и негосударственными (коммерческими) структурами.* Баланс сместился в сторону последних, как бы «пожиравших» государство. Процесс «олигархической минимизации» государства был, по существу, как показывает Ю.С.Пивоваров, переделом/дележом: *«предметом передела стало государство»*⁴³.

⁴³ См. Пивоваров 2006: 58—61.

Но тогда же выяснилось, что для *самореализации (прежде всего вне страны) и защиты от страны («не-Дворца»)* «сословию» крупнейших собственников все-таки необходим какой-то вариант государства. Выбор был сделан в пользу «Дворца», в рамках которого примиряются «сословные» и национальные противоречия, бизнесмены становятся «государственниками», а бюрократия коммерциализируется. То есть образуется *mixt*, единая социальная среда, повязанная одной целью — целью обогащения.

Однако создание «Дворца» потребовало от «новых собственников» жертвы — нужно было поделиться собственностью с новым государством. Вероятно, процесс *частичной деприватизации/национализации (а по существу, второго «большого передела»)* начала 2000-х годов, сопровождавшийся перераспределением денежных потоков в пользу «новых государственников», выделением им доли «дворцового имущества», шел нелегко. Достижению консенсуса помогло то, что договаривались советские (по генетике, ментальности, инстинктам, навыкам) люди, приученные в позднесоветские времена, пользуясь государством, мыслить в категориях «большой государственности». Сработало и старое политическое мышление, заквашенное на страхе и привычке подчиняться власти/государству. Наконец, делились «старые» собственники тем, что «урвали» и присвоили в 1990-е годы, а не унаследовали по праву и не создали как пионеры-первооткрыватели. Легко пришло — не задержалось.

Итогом «передела»/«сговора» «нулевых» было не только то, что персонификаторы государства получили свой экономический плацдарм, а государство стало новым мощным коллективным бизнес-игроком, членом мирового бизнес-сообщества. В результате такого усиления государства произошло окончательное слияние государственной идеи с частным экономическим интересом, сращивание «государственников» с «олигархами» (в единый светский бизнес-культурно-политический бомонд), то есть *окончательное оформление постсоветского «Дворца»*. В рамках «Дворца» действуют *тенденции и к национализации, и к приватизации*. Правда, первоначальный смысл этих явлений меняется: и в том, и в другом случае речь идет о *переделах «дворцового» хозяйства*. Классическим примером приватизации «по-дворцовому» может служить реформа РАО ЕЭС (последнее «дело» А.Б.Чубайса), в ходе которой появились новые частные владельцы энергоактивов. И хотя с эффективностью у них не все в порядке, о чем заявил персонификатор государства Путин на совещании по энергетике в конце февраля 2010 г.⁴⁴, они будут хозяйствовать.

⁴⁴ См. *Энергии 2010*: 8.

NB! Только при очень большом желании ситуацию можно увидеть так, как описывает ее значительная часть исследователей: «На рубеже 90-х годов Россия столкнулась с проблемой институциональной бессубъектности, общество атомизировалось... Институты власти оказались оторваны от социальной базы, перестали быть носителями и выразителями общественных интересов, быстрыми темпами стали расти коррупция и взяточничество. Произошло сращивание высшей государственной бюрократии и крупного капитала. В этих условиях центральная власть сделала ставку на государственную бюрократию как потенциального носителя новой национальной субъектности, противостоящего как бизнес-группировкам, так и политической элите. В рамках избранной стратегии начала проводиться административная реформа... То есть была поставлена задача связать единым административным механизмом разрозненные бюрократические группы, как федеральные, так и региональные, ослабить давление на них со стороны бизнес-групп, региональных властей, криминальных структур»⁴⁵. Этот подход акцентирует идею «возвращения» государства. Оно действительно расширило контроль над различными сферами общественно-политической, экономической и иной деятельности, но постольку, поскольку это было нужно *самому* государству. Бюрократическая централизация 2000-х годов вовсе не предполагала восстановления социальной и национально-консолидирующей роли государства. Точнее, эта роль восстановилась настолько, насколько требовалось для выживания и реализации «Дворца».

⁴⁵ *Бюрократия 2006*: 89.

Включенность в «дворцовые» коммуникации, имеющие по преимуществу коррупционную природу, не позволяет крупным собствен-

никам быть собственниками в полной мере (безусловными и независимыми — от «Дворца» — коммерческими субъектами). Не могут они стать и независимыми политиками: отказ от претензий на самостоятельную политическую роль — их плата за относительную свободу предпринимательства. В результате устранения большого бизнеса политика лишилась конкурентного измерения, отличавшего ее в 1990-е годы. Ею завладели «административные элиты»; политика трансформировалась в отрасль администрирования. А верхушка финансово-промышленных группировок была интегрирована в систему бюрократического управления, «их экономические интересы внутри страны и за ее пределами стали частью государственных (точнее, «дворцовых» — И.Г.) интересов»⁴⁶.

⁴⁶ Цит. по: Холодковский 2009а: 13.

В середине 1990-х годов речь шла о «семибанкиршине», на рубеже 1990—2000-х крупнейшие коммерческие структуры (например, «Медиа-Мост») фактически выступали в роли политической оппозиции (подменяли ее собой). Это не было просто политизацией бизнеса; стремясь к монополизации и политике, монополистический капитал стал ведущим политическим игроком. Политика приобрела отчетливо выраженное бизнес-измерение, превратилась в коммерческое предприятие, сохранив это качество и в 2000-е годы⁴⁷. Беда в том, что каждый бизнес-игрок отстаивал в политике исключительно собственные (а не общегрупповые или национальные) интересы, действуя неправовыми методами. В отсутствие корпоративной солидарности и механизмов защиты/представительства интересов бизнеса власть (с опорой на народ — постсоветское агрессивное-послушное большинство) легко разобралась с «заигравшимися», «засветившимися» (известными в лицо) «олигархами», купив лояльность остальных, менее «буйных». В ходе путинской «административной революции» зеркально поменялась диспозиция: выбив бизнес из политики и низведя последнюю до «теневых» технологий и управления «дворцовой» репутацией, административные элиты стали активными бизнес-игроками. Понятно, что возрождение субъектности бизнеса (как и возвращение государства к административно-социальным ролям) возможно лишь на пути восстановления публичной политики (в том числе политических партий как институтов защиты и интересов бизнеса). Проблема в том, что *бизнес не стремится к субъектности, променяв ее на гарантированные «Дворцом» сверхдоходы*.

⁴⁷ Об этом пишет, в частности, С.Н. Пиизова (см. Пиизова 2007: 72).

В рамках «Дворца» не свободна и бюрократия: чиновник не может быть просто эффективным менеджером, он должен участвовать в коммерческой деятельности «по-дворцовому». Так работает система; в ней *не могут возникнуть* независимые собственники, управленцы, вообще самостоятельные социальные силы — только «сословие», организованное статусно-иерархически и тяготеющее к замыканию в особый мир, живущий по своим законам в стороне от остального населения. Расширяя права и свободы «сословия», «Дворец» парадоксальным образом «гасит» его субъектность. Показательно, что к «сословию» непримени-

ма такая характеристика, как гражданственность. В этой среде нет предпосылок для роста «я-субкультуры» в либерально-западном смысле слова. Обитателей «Дворца» сдает бесконтрольный и безграничный «субъективный материализм», разрывающий «сословие» на соперничающие кланы (прежде всего по принадлежности к ведомствам — административным и коммерческим). Они сбиваются в «Дворец» только потому, что не выживут поодиночке. Это вынужденный (примитивный) корпоративизм без солидарности, без открытой состязательности, без инновационности — *«корпоративизм простейших»*.

Следует отметить, что в рамках «Дворца» все же сохраняется напряженность по линии «формальный государственный» (государство) — «формальный бизнесмен». Это одно из правил «дворцовой» игры, условие «дворцового» существования. Размежевание имеет значение не только в качестве PR-средства — показать «не-Дворцу», что государство у нас есть и оно отдельно, а бизнес, как и положено в цивилизованном мире, отдельно. Такой PR действенен лишь отчасти: активно участвующие в постсоветской жизни граждане хорошо понимают его условность (и «Дворец» понимает, что они это понимают). Размежевание важно прежде всего с экономической точки зрения: это основа для конкуренции и сотрудничества в рамках «Дворца».

«Дворцовую» экономику создают и в ней соревнуются (на неправовой, нецивилизованной основе) формальное государство и формальный бизнес (большой и очень большой) — других акторов в ней нет. Мелкий и средний бизнес, фермерство и т.п. — все это игры для «не-Дворца» (иначе говоря, игры с ограниченными возможностями). Вот что говорят о специфике такой конкуренции бизнесмены: «...Никакого противостояния и обособленности власти и бизнеса нет и, видимо, в ближайшее время не будет. Бизнес и власть переплетены теснейшим образом, все наше государство изрядно коммерциализировано. Бизнес связан как с отдельными чиновниками, так и с конкретными ведомствами. У чиновников есть свой бизнес, а у бизнеса — свои чиновники. И не бизнес противостоит власти или власть бизнесу, а одни государственно-деловые структуры — другим государственно-деловым структурам... Мы своим поведением развратили институты государственной власти до такой степени, что они уже не являются государственными институтами»⁴⁸. Иными словами, налицо *встречные процессы «захвата бизнеса» властью и «приватизации» бизнесом государства*, вследствие чего в «верхах» сложилась определенная диспозиция, на которой и базируется «Дворец».

⁴⁸ *Власть* 2003: 40, 51.

Исторические причины «отмирания» государства в РФ

Модернизованный постсоветский «Дворец» выглядит несовершенным, архаичным типом государства. Отчасти это так, прежде всего потому, что для него характерна глубокая пропасть между правителями и управляемыми. У государства и общества отсутствует объединяющий,

общий интерес — они сосуществуют, не чувствуя каких-либо обязательств друг перед другом.

NB! Собственно, российская жизнь вообще не мыслится в коллективных категориях: это или индивидуальное выживание на грани возможного, или индивидуальное благоденствие. «Соборна» только ментальность: нам свойственно сливаться в большинство на уровне самых главных, «последних» ценностей самоутверждения/самовозвеличивания/избранничества, имеющих терапевтический, компенсаторный характер. Их смысл можно передать формулой: мы — лучшие; мы — победители; мы — можем!

Казалось бы, такой тип отношений ушел в далекое прошлое — и не только европейское, но и наше, российское. Чтобы понять, почему он возродился, да еще в таких ярких формах, следует обратиться к генезису государства в России.

Напомню, что «дворцовое государство» Ключевского — это историческая отсылка, указание на своеобразие государственной эволюции в России. Исторический «Дворец» сформировался в удельную эпоху; из него в XVI—XVII вв. выросло государство как социально-управленческая система (первое московское ведомство — Приказ Большого Дворца — появилось из дворцового управления князя, которое занималось прежде всего управлением княжеским имуществом⁴⁹). «Дворец» был следствием вотчинного взгляда на государство как на частную собственность своего хозяина. Вплоть до конца династии Рюриковичей в московском государе, по словам Ключевского, «борется вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти»⁵⁰. Такое же понимание власти господствовало и в русском политическом мышлении: «До 1598 г. на московского государя смотрели как на хозяина земли, а не народа»⁵¹. Петр формально отказался от роли вотчинника в пользу роли государя, модернизировав тем самым верховную власть. Однако вотчинник не исчез, а глубоко скрылся, растворился в государе.

В ходе своей эволюции российское государство полностью не пережило, не изжило в себе «Дворец». То есть *сохранило идею государства как вотчины* — сначала самовластного государя (самодержавие), затем (и именно на это указал Ключевский) сословия, которое выдвигает государя (самодержавие/дворяновластие). Черты «Дворца» (в числе прочих и в смазанном виде) можно обнаружить и в дореволюционном, и в советском государстве. Иначе говоря, они в какой-то степени были и «Дворцом», включали коммуникации, имевшие «дворцовую» природу. Отсюда их оценки как «сословных», «бюрократических», «номенклатурных», «антинародных» и т.п.

Но все же в относительно чистом виде «дворцовое государство» присутствовало, пожалуй, только в послепетровскую эпоху⁵². На то было много причин; я укажу на одну, на мой взгляд, ключевую. Вспом-

⁴⁹ Его описание см., напр. Пайнс 1993: 61—76, 91—100.

⁵⁰ Цит. по: Пушкарёв 1991: 108.

⁵¹ Ключевский 1993: 135—136.

⁵² «Расплавление» государства в Смутные времена, сопровождавшиеся деинституционализацией, — явление другого порядка.

ним тезис Ключевского: «Московское государство — это вооруженная Великороссия». Он в полной мере относится также к Петербургской империи и СССР. Во все эпохи внешняя опасность, необходимость организации вооруженных сил страны порождали потребность в создании сильной централизованной власти, закрепощавшей сословия. *Военно-оборонный тип сознания стал определяющим для национального менталитета. Более того, национальное объединение происходило только на военно-оборонной основе.*

NB! Об этом писали многие исследователи. Приведу для примера точку зрения И.М.Клямкина. Отношения народного (прежде всего крестьянского) большинства с государством в России, отмечает он, исторически выстраивались по «военной модели»; «политической альтернативы этой модели в народной культуре изначально не было, а ее формирование властями блокировалось»; «в вопросах, касающихся отношений с государством... ценностно не отделились друг от друга военная и мирная составляющие». Государственность приобрела милитаристский характер. Специфика отношений государства и народа рельефнее всего проявилась в советскую эпоху, когда своеобразное «историческое и культурное содержание было облачено в советские институциональные и идеологические формы»⁵³. По мнению Клямкина, российская история XVIII—XX вв. представляла собой «циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада... Демилитаризация... начиналась с дозированного предоставления прав и завершалась юридическим самоограничением верховной власти в пользу выборного института народного представительства... Но тут-то и выяснилось, что при отсутствии укоренившегося невоенного понятия об общем интересе интересы частные и групповые, освобожденные от дисциплинирующей милитаристско-крепостительной скрепы, оказываются непримиримыми. Институты народного представительства, созывом которых завершались оба демилитаризаторских цикла (и послепетровский, и послесталинский), не столько консолидировали общество, сколько выявляли его неконсолидируемость. Но и старые институты, будь то самодержавие (...монархическое или коммунистическое) или церковь (православная либо в виде коммунистической партии и ее идеологии), при трансформации военного понятия об общем интересе в невоенное обнаруживали в конечном счете свое бессилие»⁵⁴.

⁵³ Клямкин 2007: 14, 15.

⁵⁴ Там же: 16, 18.

В начале XVIII в. петровский милитаризм и имперство потребовали жертв от всех сословий; среди прочих — от дворянства. Его «впрягли» в службу, подобную крепостной (своего рода элитарное тягло) и требовавшую полного самоотречения. Петр I не только перенапряг силы крестьянской России; он всячески (политически, экономически и даже в человеческом плане) истощил высшее сословие.

NB! Вновь процитирую Ключевского: «Лихорадочная деятельность Петра до времени прикрывала крайнее истощение сил страны непосильными тягостями, наложенными на народный труд. Иноземные послы уже за год и больше до смерти Петра догадывались об этом платежном изнурении и писали, что страна не в состоянии ничего больше давать и что единственным еще способным к растяжению финансовым ресурсом остается деспотическая власть царя, не признающая за подданными права собственности»⁵⁵. Последняя фраза, пожалуй, самая важная в этой цитате. Отрицание за собственниками прав собственности, жертвование частными интересами во имя общих (национально-государственных), найденных «сверху», — вот что сближает мышление «лучших государственных» (царственных деспотов / любимых народных царей) с мировоззрением русского крестьянства, составившего основу — и в количественном, и в качественном отношении — советского народа.

⁵⁵ Ключевский 1993: 146.

Единственной потребностью дворянства был отдых, расслабление; оно жаждало демобилизации. Минимизировать претензии верховной власти к дворянству можно было лишь минимизировав саму верховную власть, поставив ее в зависимость от сословия. Возможности для этого создал сам преобразователь. Послепетровская эпоха стала временем борьбы дворянства за свои права и избавление от обязанностей; временем собственно оформления сословия — не как служилого, а как господствующего, привилегированного, управляющего. И ограничения в связи с этим верховной власти — не ее самодурства, но вотчинного потенциала. Момент был подходящий: ситуация в Европе складывалась так, что Великороссия могла не вооружаться — она на время выбыла из большой европейской игры, о ней забыли. «Для Петра важно было значение дворянства как орудия управления и еще более как военно-служилого класса... Хозяйственное положение дворянства занимало преобразователя только по связи его с военно-служебной годностью сословия. Военная служба дворянства стала менее нужна правительству благодаря затишью, наступившему в Западной Европе и в России после войн за испанское наследство и Северной», — отмечал Ключевский⁵⁶. *В период мирной паузы («передышки») и возник «Дворец» как результирующая дворянского стремления к освобождению от службы государству и материальному насыщению, жизни «для себя». В нем реализовалась идея государства как царско-дворянской вотчины.*

⁵⁶ Там же: 156.

NB! К слову сказать, послепетровское «дворцовое государство» закончилось в Отечественной войне 1812 г., вновь заставившей всю Великороссию вооружиться и служить — Отечеству. Тогда дворянство показало пример службы как самоотречения, что, видимо, есть единственная «площадка» для консолидации русского мира

(элит и народа). Об этом — «Война» (связанная с нею часть эпопеи) Л.Н.Толстого.

Трансформация советского «государства трудящихся» в постсоветское «дворцовое» происходила в исторических условиях, в каких-то основных чертах напоминающих послепетровский XVIII в. Во многом это следствие эмансипации управлявших верхов, закрепощенных в государстве, и эксплуатировавшегося народа, закрепощенного государством. Эмансипация продолжалась весь послесталинский (вновь уточню — послевоенный) период: освободившие себя (после смерти «Хозяина») верхи инициировали и низовую (массовую) эмансипацию. Она, так же как и элитарная, носила преимущественно частно-потребительский характер: был освобожден не «дух», но владельческие, материалистические инстинкты.

Процесс всеобщего раскрепощения сдерживался военно-оборонными задачами: ситуация «холодной войны» не давала окончательно разрушиться «тюремно-крепостному» (или мобилизационному, требовавшему всеобщего напряжения и самоограничения) порядку. Тем не менее постоянное «ослабление режима» стимулировало всеобщее бегство в потребительство и воровство. Последнее представляло собой единственно возможный в советских условиях (при монопольном владении государством «доходной материей») вариант перераспределения наличной материальной субстанции — *помимо государства, но используя ресурсы государства*. Бегство становилось все более явным по мере того, как девальвировался образ «врага». Он начал исчезать из ментального фундамента советского государства, изначально строившегося на «противостоянчестве», «вражеском» комплексе и идеологии избранности (мы — вне остального мира и над ним). «Враг» все больше превращался в образец жизни «для себя», воплощение идеальной модели современного потребления.

«Запад—Враг» исчез, оставив по себе только антизападнические комплексы, и у государства отпала необходимость удерживать народонаселение в состоянии постоянной мобилизационной готовности, а значит, и обеспечивать его, о нем заботиться. Но тем самым не стало и главной национальной задачи/идеи, интегрирующей население в народ и связывающей его с государством. Процесс демилитаризации/«демобилизации» на рубеже 1980—1990-х годов принял обвальный характер, перейдя в распад/разложение. Вот как описывает это испытание «невоенным» вызовом Клямкин (правда, оценивая данную ситуацию как уникальную): «Россия впервые оказалась перед вызовом, с которым никогда раньше не сталкивалась: вызовом миром, то есть отсутствием угрозы большой войны. По крайней мере — со стороны Запада. Жизнь в условиях мира трудно давалась России всегда, она не вырабатывала необходимые для такой жизни способы консолидации общества. Но если раньше это компенсировалось войнами и военными угрозами, то распад СССР — первое, до конца еще не осмысленное проявление

⁵⁷ *Экспериментальный диалог* 2003: 14, 15.

⁵⁸ *Там же*: 39.

того совершенно нового вызова... России предстоит осуществить модернизацию при отсутствии угрозы большой войны»⁵⁷.

Определяющим для Клямкина является вопрос: «В старой парадигме реального или потенциального военного противостояния конкурентоспособность обеспечивалась политическими, административными и прочими инструментами, в значительной степени насильственными. Чем они могут компенсироваться сейчас?»⁵⁸. Собственно, ответ получен. В результате свертывания военно-оборонной функции (более того, миссии глобального противостояния) *государство перестало работать как эффективный социальный механизм*, нейтрализующий угрозы/риски и направляющий/стимулирующий развитие. Оно сосредоточилось на себе, занято теперь только собой, приобрело узкосоциальную («сословную») окраску.

Библиография

Агапова Т.А. 2010. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // *Россия и современный мир*. № 2 (67).

Афанасьев М.Н. 2006. *Невыносимая слабость государства*. — М.

Бюрократия и власть в новой России. 2006 // *Полития*. № 1 (40).

Витгенберг Е.Я. 2007. Социальная ответственность бизнеса: широкий взгляд // *Россия и современный мир*. № 3 (56).

Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. 2003. — М.

Гаман-Голутвина О.В. 2004. Региональные элиты современной России: Портрет в изменившемся интерьере // *Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции. Ежегодник 2004*. — М.

Гаман-Голутвина О.В. 2007. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // *Полис*. № 4.

Горшков М.К. 2009. Российское общество в социологическом измерении // *Мир России*. № 2.

Иноземцев В.Л. 2010. История и уроки российских модернизаций // *Россия и современный мир*. № 2 (67).

Ключевский В.О. 1993. *Русская история: Полный курс лекций в трех книгах*. Кн. 3. — М.

Клямкин И. 2007. Постмилитаристское государство // *Российское государство: Вчера, сегодня, завтра*. — М.

Кордонский С. 2010. *Россия: Поместная Федерация*. — М.

Лебедева М.М. 2009. Мировая политика: тенденции развития // *Полис*. № 4.

Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. — М.

Пастухов В.Б. 2009. Медведев vs. Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // *Полис*. № 6.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении*. — М.

Попов Г.Х. 2009. О проблемах кризиса 2008 г. // *Полития*. № 3.

Пушкарев С.Г. 1991. *Обзор русской истории*. — М.

Пшизова С.Н. 2007. Политика как бизнес: российская версия // *Полис*. № 3.

Тамаш П. 1999. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // *Конец ельцинщины*. — Будапешт.

Холодковский К.Г. 2009а. К вопросу о политической системе современной России // *Полис*. № 2.

Холодковский К.Г. 2009б. Антикризисные меры и общество // *Полития*. № 3 (54).

Шелов-Коведяев Ф.В. 2009. Природа кризиса в России и в мире: общее и особенное // *Полития*. № 3.

Экспериментальный диалог на заданную тему. 2003 // *Западники и националисты: Возможен ли диалог? Материалы дискуссии*. — М.

Энергии не занимать (Выговор). 2010 // *Newsweek*. 1—7.03.

О к о н ч а н и е с л е д у е т